

УДК 81'42

ГРАММАТИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДИКАЦИИ В ТЕОРЕМЕ Х. ПАТНЭМА¹

Вдовиченко А.В.

Институт языкознания РАН, Сектор теоретического языкознания;
Православный Святотихоновский гуманитарный университет

Теорема Патнэма, в которой противопоставлены коммуникативная и логико-грамматическая «сказуемость», демонстрирует, что естественная вербальная предикация становится смыслообразующей как коммуникативный акт, а не как аристотелевское суждение, лишённое коммуникативной акциональности. Актуальное высказывание интерпретируется самим порождающим его говорящим и затем интерпретантом как действие в коммуникативном пространстве, т.е. искомая референция фиксируется самим целеположенным и тождественно мыслимым действием. Отправной точкой коммуникативной интерпретации является мыслимая коммуникативная синтагма, в состав которой входят многочисленные данные, установленные говорящим и полагаемые за пределами вербальных форм. В коммуникативной интерпретации предикации появляется возможность истолковать «сказуемость» в предложениях, традиционно не попадающих в сферу логического представления предикативности, в т.ч. в концепцию актуального членения предложения. Теореме Патнэма можно считать доказанной относительно логико-грамматической предикации, но предикация, присутствующая в естественном вербальном материале, в поле зрения Патнэма не попадает. Естественные вербальные данные «не схватываются» логико-грамматическим инструментарием вследствие концепции «знак–значение», принимаемой в рамках логико-грамматической интерпретации предикации.

***Ключевые слова:** естественный вербальный факт, предикат, предикация, сказуемое, высказывание, предложение, логико-грамматическая и коммуникативная интерпретация вербальной предикации, теорема Патнэма.*

Грамматическая (логическая) интерпретация вербального факта радикально отлична от его коммуникативной интерпретации. Их оппозиционность связана с решением фундаментальных вопросов, определяющих лингвистический объект, в частности, вопроса о том, возможно ли выводить языковую систематику (грамматику языка) из коммуникативной деятельности сознающего субъекта и признавать грамматику попыткой систематизации вербального коммуникативного опыта, или же необходимо констатировать способность автономного устройства «язык» исполнять одну из своих функций – «коммуникативную».

Понятие *логико-грамматического* предиката исходит из аристотелевской уверенности, что мысль и высказывание тождественны

---

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

(О софистических опровержениях, IV, 10; тж. у Платона, Софист 263e); что за определённым набором вещей (явлений) закреплён столь же определённый набор номинативных слов (Об истолковании, 16a); а, кроме того, что любому подлежащему (из набора слов-сущностей) соответствует строгий список «правильных» (возможных) сказуемых, каждое из которых соответствует одному из сущностных признаков подлежащего (Метафизика XIII, 4; 1078b).

В отличие от грамматического подхода, *коммуникативный* взгляд на вербальный процесс предполагает, что коммуникативная функция естественного вербального процесса лежит в основании грамматического синтаксиса, что все естественные вербальные факты являются действиями в коммуникативном пространстве (и, соответственно, связаны с мыслью, предшествующей действию, весьма опосредовано); что обособленность «вещи» («явления») возникает в результате деятельности сознания (соответственно, о закреплённости слов за феноменами не может быть и речи), и, наконец, что сознание вполне свободно и автономно не только в назначении «сказуемых», но и в выделении, выборе, группировании и связывании самих «подлежащих».

Иными словами, если с грамматической точки зрения естественным объектом исследования являются слова-значения (которыми «говорят говорящие») и их синтаксические отношения, то коммуникативная точка зрения выдвигает более сложный объект – коммуникативную ситуацию, в которой говорящие реализуют коммуникативные ситуации («говорят коммуникативными синтагмами»), т.е. совершают действия в коммуникативном пространстве с участием (или без) слов, которые, в свою очередь, «связываются» говорящим и которым «приписываются» («назначаются») значения. Вместо мыслимого тождества самих слов коммуникация констатирует их очевидную нетождественность, т.е. необходимость признать, что актуальное смыслообразование в вербальных структурах невозможно вне коммуникативных (определённых и заданных говорящим) параметров личного действия. Реализуются и понимаются в тождестве комплексы этих параметров и произведённые в их рамках коммуникативно-синтаксические действия (коммуникативные синтагмы), а не сами слова, не имеющие тождества вне коммуникативной синтагмы, мыслимой участниками коммуникации – говорящим (пишущим), адресатом и вторичным интерпретантом.

Закономерным образом коммуникация выдвигает требование переосмыслить вербальную предикацию («сказуемость») на фоне более сложного объекта лингвистического описания (ситуации личного действия). Так, если аристотелевское грамматическое сказуемое «сказывается» о подлежащем (притом что то и другое выражено словом или может быть выражено словом), то коммуникативным *подлежащим*, скорее, следует считать всю помысленную (параметрированную) ситуацию

вербального акта, в которой говорящий (пишущий) принял решение действовать определённым образом. В свою очередь, коммуникативным *сказуемым* является всё сказанное, включая «грамматическое подлежащее», выделенное («назначенное») и названное говорящим (пишущим) в ходе личной когнитивной процедуры параметрирования коммуникативного пространства.

Известная теорема Х. Патнэма даёт иллюстративный пример умозаключения, в котором неудовлетворенность вербальным суждением возникает как результат грамматического подхода к предложению естественного языка. Одновременно для непротиворечивого объяснения вербального факта, т.е. для интерпретации актуального смыслообразования в вербальной форме, необходим коммуникативный подход к предикации («сказуемости» предложения естественного языка).

Логическая формулировка теоремы [1: 330]² представлена самим Патнэмом в более лингвистической форме и выглядит следующим образом: «Ни одна точка зрения, которая фиксирует только истинностные значения целостных предложений, не может фиксировать референты, даже если она определяет истинностные значения предложений в любом возможном мире» [5: 33]³. Пояснением к этому служит пример высказывания о «кошке», уже использованный некогда Остином [4: 85] и доведённый Патнэмом до логического тупика посредством «вишни»: когда некто говорит о кошках и коврике («кошка сидит на коврике»), он может иметь в виду вишни и деревья («вишня висит на дереве»). Различие в указании, замечает Патнэм, не будет проявляться для двух этих интерпретаций, поскольку всё, в чём уверен один человек (некоторая кошка находится на некотором коврике), выражается предложением, которое в интерпретации другим человеком есть нечто, в чём уверен уже он (некоторая вишня висит на некотором дереве). Всякий раз, когда один человек говорит о кошках, он может иметь в виду то, что другой человек называет вишнями, и наоборот. И если один человек собирался бы сказать, что кошка находится на коврике, другой человек согласился бы, поскольку считал бы, что первый человек говорит о том, что вишни находятся на дереве. Иными словами, может быть достигнуто полное согласие между двумя людьми относительно того, каковы факты мира, т.е. того, какие предложения являются истинными, и всё же тот факт, что

---

² «Теорема. Пусть L будет язык с предикатами $F_1, F_2, \dots, F_k$ (не обязательно одноместными). Пусть I будет интерпретацией, в смысле приписывания интенционала каждому предикату в L . Тогда, если I не является тривиальной в том смысле, что, по крайней мере, один предикат имеет экстенционал, который не является пустым или всеобщим, по крайней мере, в одном возможном мире, существует вторая интерпретация J , которая не согласуется с I , но которая делает те же предложения истинными в каждом возможном мире, в котором их делает истинными I ».

³ Здесь и далее перевод цитат Л.Б. Макеевой [2].

когда один человек говорит о кошках, другой говорит о том, что первый называет вишнями, может не проявиться ни в чём [3: 114–115].

Смысл теоремы, как видно, сводится к тому, что от высказывания невозможно ожидать фиксированного однозначного соответствия «знак–значение» – будь то математический или словесный «язык»; одни и те же предметные знаки не гарантируют смыслового тождества – они могут означать разное для различных носителей (или пользователей) одного и того же «языка»; не существует автономных фиксированных референций единиц «языка». В интересующем нас аспекте контрадикторности коммуникативной и логико-грамматической предикаций нужно заметить несколько особенностей патнэмовской мысли, чтобы затем представить коммуникативную интерпретацию предикации в естественном вербальном факте как единственно возможную.

Во-первых, в ходе доказательства теоремы Патнэм фактически отрицает «данные», которые в любой теореме используются как не подвергаемые сомнению: «данный» язык L в результате оказывается не способным быть языком (поскольку созданные на нём предложения не могут тождественно интерпретироваться говорящими). Иными словами, постулирование языка L в качестве исходных данных теоремы необходимо Патнэму для того, чтобы представить затем *осмысленное предложение*, созданное на этом языке. Обладая предикатами $F_1, F_2... F_k$, (свойствами языка), *язык L обеспечивает создание такого предложения*. Парадоксальным образом доказываемое утверждение состоит именно в том, что предложения, созданные на этом языке, могут иметь *несколько истинных интерпретаций*, что, в свою очередь, равносильно признанию, что *язык L не может быть средством создания определённых (в смысловом отношении) предложений*, понимание которых должно быть тождественно, стабильно и в целом достаточно хотя бы для совместных практических действий, совершаемых пользователями этого «языка» (заметим, что примером нетождественной интерпретации как раз могут служить столь далекие друг от друга «кошки» и «вишни», которые ни в коем случае нельзя признать достаточным основанием для совместной практики). Поэтому само доказательство теоремы, по сути, представляет собой подмену «подлежащего», «данного», которое сперва обладает определённостью и неоспоримостью («то, что является языком»), а затем, в результате процедуры доказательства, оказывается иным, неопределённым и сомнительным («то, что не может быть языком»).

Во-вторых, в ходе доказательства, разбирая словесные репрезентации языка L , Патнэм выносит за скобки саму процедуру высказывания, оставляя в фокусе рассмотрения только саму вербальную форму, которая, по мысли Патнэма, может получать различные интерпретации и тем самым доказывать невозможность однозначной референции входящих в её состав терминов. Между тем именно сам факт высказывания

(конкретные условия произнесения слов) является главным условием естественности (и, соответственно, когерентной концептуализации) лингвистического материала. Так, единообразная вербальная форма приобретает понимаемое значение только в составе конкретной коммуникативной синтагмы, и вне её может иметь едва ли не любые значения, как это и продемонстрировал Патнэм (так, слово «я», «я не буду об этом говорить», «присядьте на этот стул», «сейчас уже вечер» и пр. не может быть интерпретировано до помещения в конкретную ситуацию говорения; то же в любом случае изолированного рассмотрения любых терминов или их сочетаний). Патнэм, таким образом, приписывает множественную референцию искусственному материалу, поскольку рассматривает «кошку» и «вишню» как сказанные неизвестно кем, неизвестно где, неизвестно для чего и пр. Подобным образом при абстрагировании от конкретной коммуникативной процедуры высказывания любой лингвистический материал приобретает множественные значения, даже если речь идёт об одном и том же значении, но разных представителях данного класса. Поэтому доказанное утверждение о возможности непротиворечивой множественной референции ничего не говорит о *естественном* вербальном факте, а, скорее, обнаруживает ущербность логического (освобожденного от говорящего, сосредоточенного на форме, *искусственного* в своих основаниях) подхода к вербальному факту. Естественные вербальные факты никогда не порождаются вне конкретно мыслимых условий совершения действия (сравним: нельзя открывать дверь ключом, не сознавая перед собой дверь и не держа в руках ключ).

Наконец, в некоторых аспектах формулировки доказанной теоремы проявлен диссонанс с философской программой самого автора. Несмотря на декларируемую свободу в выделении объектов [5: 54]⁴ (а, значит, и выборе аристотелевских «подлежащих» высказывания), несмотря на зависимость идентифицируемых объектов и знаков от принятой схемы описания [цит. раб.: 52]⁵, а также, невозможность единственно верного знания, свободного от личных целей и интересов описания [цит. раб.: 50], Патнэм продолжает видеть в высказывании естественного языка логико-грамматический объект. Смыслообразование интерпретируется им как зависимость от (или функция) входящих в состав высказывания терминов, в то время как в естественном состоянии порождаемый смысл есть функция комплексной ситуации коммуникативного дей-

---

⁴ «Объекты, из которых состоит мир, в большей степени являются продуктами нашего концептуального изобретения, а не “объективного” фактора в опыте, фактора, независимого от нашей воли».

⁵ «“Объекты” не существуют независимо от концептуальных схем. Мы разрезаем мир на объекты, когда вводим ту или иную схему описания. Поскольку и объекты, и знаки являются одинаково внутренними по отношению к схеме описания, то можно сказать, что к чему относится».

ствия, отношение действия говорящего к мыслимым условиям, параметрированным им самим, адресатом или вторичным интерпретантом (так, высказывание «сейчас уже ночь» понимается только как часть конкретной коммуникативной синтагмы, и может быть оценено, в т.ч. «верифицировано», только как действие говорящего; то же в случае любых других высказываний, в т.ч. «кошка сидит на коврике», «вишня висит на дереве»). Отсутствие коммуникативного аспекта и свойственной высказыванию акциональности («действенности») даёт словесной форме неоправданную автономию. Патнэмовский абстрактный говорящий продолжает «говорить словами», в то время как естественный коммуникант «говорит коммуникативными синтагмами», в которые слова входят как подчинённые интерпретируемые элементы.

Вследствие того что контуры смыслообразования остаются очерченными границами самих вербальных форм, в логико-грамматическом пространстве теоремы рассматриваются как смыслы самих высказываний, мнимо самозначных и автономных. Фактически Патнэм предъявляет требование быть референтным (смыслообразующим) логико-грамматическому суждению и закономерно находит тождественное смыслообразование в нём невозможным. Это требование, не получающее удовлетворения, адресуется Патнэмом «языку L», представляющему как будто естественный язык, в то время как в естественной коммуникативной реальности интерпретируются не слова (не сами предложения о кошках или вишнях), а действия говорящего, преследующего определённые тождественные цели. Поправка к теореме, таким образом, как представляется, должна состоять в том, что логико-грамматический язык L не отражает реальности естественного говорения (т.е. воздействия с использованием вербального канала), а представляет собой искусственный объект, не тождественный естественному коммуникативному процессу. Процедура интерпретации логико-грамматической предикации, сосредоточенная на словах, неизбежно сталкивается с проблемой нетождественной референции, в то время как естественная интерпретация предикации охватывает гораздо более обширные комплексы данных, значимых для обретения смысла в вербальном действии.

Патнэм, таким образом, обозначил проблему логико-грамматической предикации (а не естественного коммуникативного процесса), позиционируя её как проблему естественного вербального материала. Фактическое отрицание языка L (т.е. «данных» теоремы), в котором тождественно понимаемое высказывание оказывается невозможным, избличает то, что естественная предикация не схватывается логико-грамматическими инструментами и нуждается в коммуникативных инструментах.

Требование вывести предикацию за пределы вербальных форм, из логико-грамматического в коммуникативное пространство, означает

расширение понятия лингвистического предиката, т.е. того, что «сказывается» в процессе естественного вербального действия. Если логико-грамматический предикат «говорится» о подлежащем (об эксплицитном или воссозданном субъекте предложения) и интерпретируется как приписываемое ему свойство, то коммуникативный предикат есть, скорее, экспликация поведения говорящего (с дальнейшей оценкой его действия). При этом в область сказуемого при коммуникативной трактовке попадает и само аристотелевское «подлежащее», поскольку вербальные элементы коммуникативного действия все без исключения встроены в реализуемую коммуникативную синтагму, представляя собой новый «признак» мыслимой ситуации, в которой действует не аристотелевское подлежащее, а сам коммуникант. Говорящий не только предлагает нечто об аристотелевском «подлежащем», но назначает само подлежащее, выделяя его из возможных объектов, формируя и группируя их, признавая актуальность именно таких объектов и т.д. Так, Патнэм, приводя пример с кошками и вишнями, как будто забывает об идее, сторонником которой сам же является (передающей, заметим, реальность мысли и коммуникации): объекты формируются не без участия конкретного сознания; знаки «кошка», «вишня» и другие кем-то зачем-то созданы (тождественно мыслимы и для кого-то предназначены). Соответственно, в коммуникативной реальности тождественную интерпретацию фиксирует автор высказывания фактом своего разумного и целеположенного участия в ситуации, в то время как логико-грамматическая интерпретация рассматривает связь между словом и значением как не опосредованную никем. Вследствие этого «кошки» могут становиться «вишнями», если вдруг интерпретируются кем-то в неактуальных (не совпадающих с аутентичными) условиях говорения. Однако в коммуникативной реальности это исключено. Если аристотелевский субъект предложения существует сам по себе, как общезначимое слово-смысл (см.: «кошки» и «вишни»), и может сам по себе оказываться в «референтно нефиксированных» обстоятельствах, то коммуникативный субъект не имеет такой автономии, будучи всецело определённым целями и намерениями говорящего, производящего тождественное действие. Иными словами, процесс смыслообразования не хаотичен («действуют не сами слова»), а управляем говорящим («действует говорящий») и интерпретируем в связи с ним как его действие. Вербальная форма не независима от конкретной осмысленной коммуникантами ситуации взаимодействия.

Расширение понимания лингвистической предикативности в сторону её коммуникативной природы наметилось наиболее определённо в концепции актуального членения предложения, т.е. учения о теме и реме. Признание за аристотелевским предикатом («сказуемым») возможности исполнять роль субъекта («подлежащего»), и наоборот, фактически означало отказ от жёсткой обусловленности естественного вы-

сказывания классической вербальной конструкцией суждения, признание приоритета актуальной коммуникативной предикации над логико-грамматической, коммуникативного синтаксиса над классическим, вербально представленным. Однако концепция актуального членения сохранила классическую связь с вербальной знаковостью («и тема, и рема представлены вербально», невербальные пресуппозиции, особенности «конситуации» – частные случаи грамматической теории), а, кроме того, осталась (в т.ч. благодаря предметно-знаковой ориентированности) неспособной концептуализовать «сказуемость» таких вербальных действий, как вопрос, императив, восклицание и более сложных случаев модальностей, в которых оказывается «пропозициональное содержание». Фактически тема-рематическая трактовка высказывания так и не вышла за пределы утвердительного (отрицательного) предложения ввиду прежнего аристотелевского понимания предикации как констатации некоего признака подлежащего: когда говорящий не указывает подлежащее среди произнесенных слов (как в неполных предложениях), или вообще не знает подлежащего (как в вопросе), или вообще ничего не констатирует, кроме собственной эмоции (как в восклицании), или побуждает к действию без какого-либо подлежащего (как в императиве) и пр., то логико-грамматическая субъектно-предикатная конструкция отсутствует, и вообще не ясно, зачем и о чём говорящий говорит. Возникает вопрос, есть ли вообще в таких высказываниях «сказуемость», если то, что «подлежит высказыванию», отсутствует. Не случайно учение о теме и реме не продвигается далее такого «высказывания», под которым понимается двойник суждения, повествовательного предложения.

Совершенно отлична от логико-грамматической коммуникативная трактовка предикации, в которой любые (в т.ч. утвердительные / отрицательные высказывания) принципиально едины как коммуникативные действия говорящего (пишущего), определившего и достигающего свои цели посредством констатаций созданных фактов, вопросов, восклицаний и пр. Говорящий не высказывает свои мысли (которые, заметим, локализируются на довербальной стадии планирования действий, в т.ч. вербальных), он не высказывает факты, а действует посредством всего того, что говорит и что наблюдается им в коммуникативном пространстве. Продолжением этого движения в сторону коммуникации является снятие утвердительного / отрицательного высказывания («предложения») как образца, исчерпывающего своими свойствами (или адекватно представляющего) естественный вербальный материал ввиду того, что логико-грамматическое предложение с его неопределённой (нефиксированной, по Патнэму) предикацией представляет собой полностью искусственный объект. Вместо несколько казуистичного разделения на высказывание и предложение, предпринятого для отделения логики от

коммуникации, возникает единое коммуникативное действие, предикативное по своей сути в любом варианте цели актуального говорения.

Список литературы

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянск, культуры. 2004. 792 с.
2. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996. 190 с.
3. Хакинг Я. Представление и вмешательство. М.: Логос, 1998. 296 с.
4. Austin J.L. How to do things with words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 174 p.
5. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge Mass., 1981. 236 p.

GRAMMATICAL AND COMMUNICATIVE INTERPRETATION OF PREDICATION IN H. PUTNAM'S THEOREM

A.V. Vdovichenko

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Science,
Orthodox St. Tikhon University for Humanities,*

Putnam's theorem in which the author *volens nolens* opposes communicative and logical-grammatical predication, shows that the natural verbal subject-predicate construction becomes sense-generating just as a communicative act, but not as the Aristotelean judgment deprived of a communicative actionality. The actual verbal sentence is interpreted by a speaker and then by an interpretant as the action in the communicative space. The reference (which is searched by Putnam) is fixed by the very action which is identically thought by a speaker. A starting point of the communicative interpretation is the imaginable communicative syntagm which contains the numerous data established by a speaker and posed outside verbal forms. The communicative approach to predication gives an opportunity to interpret the predication in the cases which are traditionally not available for the logical representation of predicativity (including the concept of actual division of an utterance). In the article the point of view is provided Putnam's theorem is sooner proved towards the logical-grammatical predication. However, the natural predicativity is in fact not regarded by him. Natural verbal data "are not grasped" with the logical-grammatical tools due to the "sign-meaning" concept accepted within the logical-grammatical interpretation of predicativity.

Keywords: *natural verbal fact, predicate, statement, offer, logical-grammatical and communicative interpretation of verbal predication, Putnam's theorem.*

Об авторе:

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, доцент кафедры теории и истории языка Православного Святотихоновского гуманитарного университета, e-mail: an1vdo@mail.ru